

СТЕЙСИ ХОЛЛС

ФАМИЛЬЯРЫ ВЕДЬМ

КОГДА НАЧИНАЕТСЯ ОХОТА НА ВЕДЬМ,
ПОД ПОДОЗРЕНИЕ МОЖЕТ ПОПАСТЬ ЛЮБОЙ.
ОСОБЕННО ЕСЛИ ТЫ — ЖЕНЩИНА

Новая готика

Стейси Холлс

Фамильяры ведьм

«Азбука»

2018

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Холлс С.

Фамильяры ведьм / С. Холлс — «Азбука», 2018 — (Новая готика)

ISBN 978-5-389-33968-2

Англия, XVII век. В четвертый раз забеременев после трех выкидышей, знатная дама Флитвуд Шаттлуорт всем сердцем желает подарить мужу наследника, но находит спрятанное им письмо от лекаря с предупреждением, что из-за хрупкого здоровья она может не пережить родов. В отчаянии будущая мать обращается за помощью к молодой местной повитухе Алисе Грей, и после того, как та обещает помочь Флитвуд родить здорового младенца, между женщинами столь разного положения возникает дружба. Тем временем в угоду королю Якову в Ланкастере разгорается охота на ведьм, надвигаются печально известные пендлские процессы над ведьмами. Попадает под подозрение и Алиса, но Флитвуд полна решимости спасти подругу.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-33968-2

© Холлс С., 2018
© Азбука, 2018

Содержание

Часть первая	7
Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Стейси Холлс Фамильяры ведьм

Моему мужу

Stacey Halls
THE FAMILIARS

Copyright © Atticus Jones Ltd., 2018

© Е. Ю. Рыбакова, перевод, 2026

© Издание на русском языке. ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

Издательство Иностранка®

Часть первая

Графство Ланкастер (ныне Ланкашир), начало апреля 1612 года

*Будь бесперечь собран и хладнокровен, ибо в противном случае
недолго станет она исполнять твои повеления, но принудит тебя
повиноваться ей.*

*Книга о ястребиной и соколиной охоте Джордж Тербервилл, 1543–
1597*

*Благоразумие и справедливость.
Фамильный девиз Шаттлуортов*

Глава 1

Не зная, что делать, я вышла из дома с письмом в руке. Трава была влажной от утренней росы, и я быстро промочила свои любимые розовые шелковые туфельки, ибо в спешке не подумала надеть паттены¹. Но я не останавливалась, пока не дошла до деревьев в конце расположенной перед домом лужайки, и только там развернула зажатое в кулаке письмо, желая убедиться, что оно не плод моего воображения и не приснилось мне, когда я задремала в кресле.

Утро было прохладным, мгlistым и зябким от ветра, дующего с холма Пендл, но, несмотря на смятение, я не забыла снять с крючка в глубине будуара плащ. Погладив на ходу Пака, я с удовольствием заметила, что руки не дрожат. Я не заплакала, не потеряла сознания, со мной ничего не стряслось, лишь снова сложила лист бумаги и тихо спустилась по лестнице. Никто не видел, как я уходила, лишь мельком я заметила сидящего за столом Джеймса, когда проходила мимо его кабинета. Мне пришла в голову мысль, что он сам мог прочитывать письмо, поскольку управляющие часто вскрывают личную корреспонденцию хозяев, но я быстро отбросила это предположение и вышла через парадный вход.

Облака напоминали оловянный кувшин, угрожающий пролиться, и я поспешила по траве к лесу. Я знала, что в своем черном плаще буду слишком приметна среди полей для любопытных глаз прислуги, смотрящей из окна, но мне нужно было подумать. В этой части Ланкашира земля зелена и сыра, а небо просторно и серо. Временами можно узреть промельк рыжей оленьей шкуры или синей шеи фазана, и взгляд успевает зацепить их раньше, чем им удастся исчезнуть.

Я еще не успела добраться до спасительных деревьев, как дурнота снова начала овладевать мной. Я приподняла подол юбки, чтобы не запачкать его рвотой, потом вытерла платком рот. Ричард велел прачке опрыскивать платки розовой водой. Я закрыла глаза, несколько раз глубоко вдохнула и, когда снова огляделась вокруг, почувствовала облегчение. Листва на деревьях дрожала, птицы весело щебетали; я углубилась дальше в лес, и меньше чем через минуту Готорп полностью скрылся из вида. Стоящий на открытом пространстве дом из теплого золотистого камня, как и я, в окружающем пейзаже был замечен издали. Но, тогда как дом не может скрыть тебя от леса, который, кажется, подступает все ближе и виден из каждого окна, лес может скрыть Готорп от тебя. Порой чудится, будто они затеяли какую-то игру.

¹ Обувь в виде деревянной подошвы с кожаным или тканым ремешком, надеваемая поверх туфель для защиты их от уличной грязи. – Здесь и далее примеч. пер.

Я снова развернула письмо и, разгладив смятую в тесном кулачке бумагу, нашла абзац, от которого у меня помутилось в голове:

Вы без труда можете догадаться о подлинной природе опасности, угрожающей Вашей супруге, и с величайшим сожалением я довожу до Вас свое профессиональное мнение лекаря, сведущего в вопросах чадорождения: навестив ее в давешнюю пятницу, я сделал весьма прискорбное умозаключение, что она не может произвести на свет ребенка и ей не следует рисковать. Чрезвычайно важно, чтобы Вы понимали: случись ей снова оказаться в тягости, она не переживет разрешения от бремени и ее земные дни будут сочтены.

Теперь, скрывшись от посторонних глаз, я могла позволить себе отдаться на волю чувств. Сердце лихорадочно колотилось, щеки горели. Накатил новый приступ тошноты, и я чуть не задохнулась, когда рвота обожгла мне язык.

Дурнота одолевала меня по утрам, в полдень и по ночам, выворачивая наизнанку. Порой меня тошнило сорок раз на дню; если это случалось лишь дважды, я была счастлива. На лице под кожей лопнули жилки, оставив тонкие алые волоконца вокруг глаз, белки которых сделались демонически-красными. Ужасающий вкус, острый, как лезвие ножа, сохранялся в горле часами. Еда внутри не удерживалась. Да и все равно аппетита, к вящему разочарованию кухарки, не было. Даже брусочки моего любимого марципана лежали неразрезанные в кладовке, там же пылились присланные из Лондона коробки со сладостями.

Предыдущие три раза не были столь мучительными. Нынче же создавалось впечатление, будто растущее внутри меня дитя силится выйти через горло, а не между ног, как другие, которые возвещали о своем преждевременном прибытии красными реками, текущими по бедрам. Их вялые тельца выглядели причудливо, и я оторопело смотрела, как их, точно свежие буханки, заворачивают в холстину.

«Бедный малютка, недолго задержался в этом мире», – сказала последняя повитуха, вытирая мою кровь с мясницких рук.

Четыре года замужества, трое родов, и все еще нет наследника, которого можно положить в дубовую колыбель, подаренную мне матерью на свадьбу. Я замечала на себе ее взгляды: она смотрела так, как будто я их всех подвела.

И все же я не могла постичь, как же так: зная мнение доктора, Ричард спокойно наблюдал, как меня разносит, будто рождественскую индейку. Письмо лежало среди других бумаг, связанных с моими тремя родами, так что возможно, он не заметил его. Как он мог скрыть его от меня? Внезапно слова лекаря будто соскочили со страницы и обернулись удавкой вокруг моей шеи. Имени написавшего их человека я не знала: во время его визита меня так скрутило болью, что я не запомнила ничего – ни его прикосновений, ни голоса, ни был ли он любезен.

Я шла и шла, не останавливаясь, чтобы перевести дух, и пропитавшиеся зеленоватой грязью туфельки теперь были совсем испорчены. Когда одна из них зацепилась за что-то и слезла с ноги, а ступня в чулке погрузилась во влажную землю – этого я уже не могла снести. Я скомкала письмо обеими руками и изо всех сил бросила подальше, испытав мгновенное удовлетворение, когда бумажный шарик отскочил от дерева в нескольких ярдах от меня.

Если бы не эта гневная вспышка, я могла бы и не заметить кроличью лапку поблизости от того места, где упала скомканная бумага, как и кролика, которому она принадлежала, – или, по крайней мере, того, что от него осталось: изуродованного месива из шерсти и крови, – а рядом еще одного, и еще. Мне приходилось охотиться на кроликов, но ястреб и сокол убивают иначе, нанося четкий, аккуратный удар, прежде чем вернуться к хозяину. Потом я заметила кое-что еще: подол коричневой юбки, касающийся земли, согнутые колени, а выше тело, лицо, белый чепец. Прямо передо мной на корточках сидела женщина, пристально глядя на меня.

От всего ее существа исходила животная настороженность. Она была в потрепанной одежде – домотканом шерстяном платье без передника, почему я и не заметила ее сразу на коричнево-зеленом фоне. Из-под чепца выбивались выющиеся рыжеватые волосы. Выразительные большие глаза на вытянутом узком лице обращали на себя внимание даже на расстоянии: они были цвета теплого золота, как новые монеты. Взгляд женщины был по-мужски жестким, и, хотя она смотрела на меня снизу вверх, на мгновение я оробела, как будто это меня внезапно застали в лесу за подозрительным занятием.

В руках у нее болтался еще один кролик с запятнанным красным шкурой, чей глаз не мигая смотрел на меня. На земле рядом с женщиной лежал раскрытый грубый мешок. Она встала. Ветерок шуршал вокруг нас листвой и травой, но она оставалась совершенно неподвижной, с непроницаемым выражением лица. Только кроличья тушка слегка покачивалась.

– Кто ты? – спросила я. – Что ты здесь делаешь?

Она начала складывать кроликов в мешок. Мое скомканное письмо бледным пятном выделялось среди окровавленных шкурок, и, увидев его, женщина помедлила, длинные пальцы с алыми пятнами крови зависли в воздухе.

– Дай сюда, – резко потребовала я.

Подняв бумагу, она протянула ее мне, не сходя с места, и я, сделав несколько быстрых шагов, выхватила письмо. Золотые глаза не отрывались от моего лица, и я подумала, что никогда еще ни один незнакомец не смотрел на меня так пристально. Мне тут же пришло в голову, как нелепо я, должно быть, выгляжу в одной домашней туфле, пока другая валяется в грязи. После приступа тошноты щеки у меня, конечно, пылали, а глаза покраснели. Из-за кислоты во рту я говорила отрывисто.

– Как тебя зовут?

Она молчала.

– Ты побирушка?

Она помотала головой.

– Это моя земля. Ты воруеть кроликов на моей земле?

– На вашей земле?

Ее голос нарушил таинственность встречи, как камешек, брошенный в лужу. Это была обычная деревенская девушка.

– Я Флитвуд Шаттлуорт, хозяйка Готорп-холла. Это владения моего мужа; если ты из Падихема, то должна знать.

– Я не здешняя, – только и произнесла она.

– Тебе известно, как наказывают за охоту на чужой земле?

Она окинула взглядом мой черный плащ, выглядывающее из-под него платье из тафты медного цвета. Я знала, что кожа у меня землистого цвета, а в сочетании с черными волосами кажется желтушной, и не желала, чтобы об этом мне напоминала незнакомка. Я подозревала, что моложе ее, но не могла догадаться, сколько ей лет. Ее грязное платье, казалось, не чистили и не проветривали месяцами, чепец был цвета овечьей шерсти. Потом наши взгляды встретились – она смотрела на меня прямо и гордо. Я нахмурилась и вскинула голову. При росте четыре фута и одиннадцать дюймов я была ниже всех, кого встречала, хотя была и не из пугливых.

– Мой муж привяжет тебя к коню и волоком потащит к мировому судье, – с преувеличенной смелостью сказала я.

Девушка не произнесла ни звука, только листья шуршали и дрожали, и я снова спросила:

– Ты побирушка?

– Я никто. – Она протянула мне мешок. – Возьмите. Не знала, что это ваша земля.

Это был странный ответ, и я задумалась, что скажу Ричарду. Потом вспомнила о зажатом в кулаке письме и крепко стиснула его.

– Как ты их убила?

Она усмехнулась.

– Я их не убивала. Они были убиты.

– Мудреные слова. Как тебя зовут?

Не успела я договорить, как она развернулась золотисто-коричневым вихрем и устремилась в лес. Белый чепец мелькал между стволами, мешок колотился о юбки, ноги проворно семенили по земле, как лапы животного, пока лес не поглотил ее целиком.

Глава 2

Бряцание подвешенного к поясу кошелька предшествовало Ричарду повсюду. Думаю, так он подчеркивал свою власть – его появление предварял звон денег. Сейчас, когда до меня донеслось знакомое бречание и стук лайковых сапог по лестнице, я сделала глубокий вдох и смахнула с лифа платья воображаемые ворсинки. Я встала, когда он вошел в комнату – веселый и бодрый после деловой поездки в Манчестер. В его золотой сережке играл свет, серые глаза блестели.

– Флитвуд, – он прижал ладони к моим щекам.

Я прикусила губу там, где он поцеловал ее. Могу ли я доверять своему голосу? Мы были в будуаре – муж знал, что найдет меня там. Хотя до нас в Готорпе никто не жил, это была единственная комната, которую я с полным правом ощущала своей. Я находила очень современным, что дяде Ричарда, который спроектировал дом, пришлось в голову отвести отдельное помещение для нарядов, хотя жены у него не было. Разумеется, если бы женщины занимались планировкой интерьеров, будуары стали бы столь же необходимой частью жилищ, как и кухни. Я выросла в доме из угольно-серого камня под пепельными небесами, и в Готорпе, с его яркими, теплыми, словно здесь никогда не кончался рассвет, красками и тремя этажами сверкающих, подобно королевским драгоценностям, окон и башенкой посередине, чувствовала себя скорее принцессой, чем хозяйкой. По приезде Ричард провел меня по лабиринту комнат, и у меня закружилась голова от свежей штукатурки, сияющей деревянной обшивки, коридоров, где сновали маляры, слуги и плотники. Я предпочла расположиться на верхнем этаже, подальше от всех. Будь у меня грудной младенец или карапуз, которого нужно было водить вниз завтракать, я, возможно, сделала бы иной выбор, но, пока их не было, оставалась в своих покоях с прелестным видом на стремительную реку Колдер и холм Пендл.

– Снова беседуешь со своими нарядами? – спросил Ричард.

– Это мои постоянные собеседники.

Пак, мой огромный французский мастиф, поднялся с турецкого ковра, потянулся и, зевая, так широко разинул пасть, что в ней могла бы поместиться моя голова.

– Ну что, зверюга, – сказал Ричард, подходя и приседая рядом с псом. – Недолго тебе оставаться единственным объектом нашей привязанности. Придется делиться. – Он вздохнул и опустился на колени, уставшие от долгой скачки. – Ты здорова? Отдыхаешь достаточно?

Я кивнула, спрятав выбившуюся прядь волос под чепец. В последнее время они выпадали большими черными клочками, когда я расчесывала их.

– Ты встревожена. Ничего не... Ты не...

– Все хорошо.

Письмо. Спросить его про письмо. В горле у меня стояли готовые вылететь слова, будто стрела, вставленная в натянутый лук, но на его милом лице отражалось лишь облегчение. Я слишком долго смотрела ему в глаза, понимая, что возможность задать вопрос ускользает, утекает сквозь пальцы, как песок.

– Что ж, в Манчестере все прошло удачно. Джеймс вечно нудит, что ему следует сопровождать меня в таких поездках, но я прекрасно справляюсь и сам. Возможно, он просто досадует, что я забываю записывать выручку, хотя я и говорил ему, что держу цифры в голове не хуже, чем на бумаге. – Он помолчал, не обращая внимания на Пака, который обнюхивал его. – Ты что-то сегодня очень тихая.

– Ричард, я прочла письма от повитухи. И от лекаря, который принимал роды последний раз.

– Кстати.

Он запустил руку под изумрудный бархат дублета и его лицо осветилось ребяческой радостью. Я ждала. Наконец, вынув руку, он уронил в мою ладонь странный предмет. Это был маленький серебряный меч, длиной с нож для писем, с сияющей золотой рукояткой. Но острие было тупым, и по всему клинку на миниатюрных крючках висели шарики. Я покрутила вещь в руках, и она мелодично зазвенела.

– Это погремушка. – Ричард просиял и потряс мечик, и тот забренчал, как упряжь останавливающейся лошади. – Смотри, это колокольчики. Игрушка для нашего сына.

Он даже не пытался скрыть нетерпеливое ожидание в голосе. Я подумала о ящике, который держала закрытым в одной из спален. Там лежали полдюжины предметов, купленные им во время предыдущих беременностей: шелковый кошелек с нашими инициалами, конь из слоновой кости, умещающийся на ладони. В длинной галерее стояли рыцарские доспехи, которые он приобрел на радостях, когда я понесла первый раз. Его вера в то, что у нас будет ребенок, была чистой и сильной, как речка, даже когда он продавал шерсть в Престоне и проезжал мимо торговца, продававшего миниатюрные фигурки животных, или когда видел штуку шелка точь-в-точь жемчужного цвета у портного. Что касается последнего ребенка – только он знал, был это сын или дочь; я не спросила, поскольку так и не стала матерью. Каждый его подарок служил напоминанием о моей несостоятельности, и мне хотелось сжечь их все, чтобы дым поднялся из трубы и исчез в небе. Я подумала о том, где была бы без своего мужа, и мое сердце переполнилось печалью – он подарил мне счастье, я же трижды отплатила бесплодной надеждой, рассеявшейся при легчайшем дуновении ветра.

Я еще раз попыталась завести разговор о письме.

– Ричард, ты ничего не хочешь мне сказать?

Муж молча смотрел на меня. Пак зевнул и устроился на ковре. С первого этажа кто-то позвал Ричарда низким голосом.

– Это Роджер, – сказал он. – Мне нужно спуститься к нему.

Я положила погремушку на стул, спеша избавиться от нее, и Пак с любопытством ее обнюхал.

– Тогда я тоже спущусь.

– Я поднялся, только чтобы переодеться; мы собираемся на охоту.

– Но ты же скакал все утро.

Он улыбнулся.

– Охота – это не скачка, а удовольствие.

– Тогда я поеду с тобой.

– Ты чувствуешь себя в силах?

Я улыбнулась и повернулась к своим нарядам.

* * *

– Флитвуд Шаттлуорт! Ну надо же, какая вы бледная! – прогремел голос Роджера на конном дворе. – Белее подснежника, но вдвое красивее. Ричард, ты что, не кормишь жену?

– Роджер Ноуэлл, вы всегда знаете, как польстить женщине. – Я улыбнулась и подошла к своей лошади.

– Собираетесь с нами на охоту. Разве вы уже закончили все свои утренние женские делишки?

Он сидел на лошади, высокий и плотный, с вопросительно поднятыми седыми бровями, и его зычный голос проникал в каждый уголок конного двора.

– Хочу провести время в обществе своего любимого судьи.

Я пустила свою лошадь между конями мужчин. Роджер Ноуэлл был приятным попутчиком, и сейчас я готова признать, что, вероятно, испытывала к нему благоговейное почтение,

поскольку у меня не было отца, с которым можно было бы его сравнить. По возрасту он действительно годился и мне, и Ричарду в отцы, даже в деды, но те давно умерли, а когда Ричард унаследовал Готорп, Роджер стал нашим другом. На следующий день после нашего прибытия он прискакал верхом, привез трех фазанов и провел в имении весь день, рассказывая о состоянии дел в окрестных землях и о каждом жителе в отдельности. Мы ничего не знали об этой части Ланкашира с ее пологими холмами, тенистыми лесами и своеобразными людьми, и он был кладезем сведений. Знакомый давно почившего дяди Ричарда, бывшего главным судьей в Честере – ближе в семье к власти никто не приближался, – Роджер знал Шаттлуортов много лет и угнездился в нашем доме, как унаследованный предмет мебели. Но мне он понравился при первой же встрече. Он горел ярко, словно свеча, а его настроение легко менялось, как колышущееся пламя, принося тепло и свет осведомленности всюду, где бы он ни появлялся.

– Новости из дворца: король, по-видимому, наконец нашел достойного жениха для дочери, – объявил Роджер.

Охотничьи собаки на псарне пришли в неистовство, заслышав нас, а когда их выпустили, свора, часто дыша, принялась вертеться вокруг ног лошадей.

– И кто же это?

– Фридрих Пятый, курфюрст Пфальцский. Он скоро приедет в Англию и, как все ожидают, положит конец параду гаеров, добывающихся руки принцессы.

– Вы поедете на свадьбу? – спросила я.

– Надеюсь. Это будет самое роскошное бракосочетание из тех, что видело королевство за многие годы.

– Интересно, в каком наряде будет невеста, – вслух подумала я.

Роджер не услышал меня из-за лая и вместе с Ричардом выехал со двора. Увидев гончих на поводках, я уразумела, что мы охотимся на оленя, и пожалела, что не осведомилась об этом раньше. Загнанный олень ведет себя не слишком приветливо, вращая глазами и обороняясь острыми рогами; я бы предпочла какую-нибудь другую добычу. Но поворачивать назад было поздно, и я пришпорила лошадь. Грум Эдмунд, игравший роль псаря, скакал рядом с собаками. Когда мы ехали через лес, до меня доносились обрывки приглушенного разговора между мужем и судьей, но я молчала, слушая вполуха. На ум пришло воспоминание о вчерашнем дне: пятна крови, остекленевшие глаза и золотоволосая женщина.

– Ричард, – прервала я беседу мужчин. – Вчера кое-кто нарушил границу наших владений.

– Что? Где?

– К югу от дома, в лесу.

– Почему Джеймс ничего мне не сказал?

– Потому что я ему не сообщила.

– Так ты сама видела? Что ты делала в лесу?

– Ну... выходила погулять.

– Я ведь не велел тебе гулять одной; ты могла сбиться с пути, или споткнуться и... пораниться.

Роджер молча слушал.

– Со мной ничего не случилось, Ричард. И это был не мужчина, а женщина.

– Что она там делала? Заблудилась?

Тут я поняла, что не могу рассказать ему о кроликах, поскольку у меня нет слов, чтобы описать увиденное.

– Да, – кивнула я в конце концов.

Роджер развеселился.

– У вас воистину буйное воображение, Флитвуд. Мы уж думали, будто на вас напал в лесу какой-то бродяга, а это была всего лишь заплутавшая женщина?

– Да, – тихо проговорила я.

– Хотя теперь это вовсе не безопасно – слышали, что случилось в Колне с Джоном Лоу, бродячим торговцем?

– Нет.

– Роджер, не пугайте ее байками о колдовстве – она и так страдает кошмарами.

От удивления я раскрыла рот, и в лицо бросилась кровь. Ричард впервые поведал кому-то о Кошмаре, и я никак от него такого не ожидала. Но он уже поехал дальше, только развевалось перо на шляпе.

– Расскажите же, Роджер.

– Женщина, путешествующая одна, не всегда так невинна, как кажется, – Джон Лоу убедился в этом лично и не забудет ту встречу до самой смерти, которая может наступить совсем скоро, помилуй Господи. – Роджер откинулся назад в седле. – Два дня назад его сын Абрахам пришел ко мне в Рид-холл.

– Я его знаю?

– Нет, он красильщик тканей из Галифакса. Парень неплохо преуспевает, учитывая ремесло его отца.

– И он нашел ведьму?

– Нет, слушайте же.

Я вздохнула и пожалела, что поехала с ними, – сидела бы сейчас в гостиной со своей собакой.

– Джон встретил девушку на тропе торговцев шерстью в Колнфилде. Принял ее за нищенку. Она попросила у него булавки, а когда он отказал, – Роджер для пущего эффекта помолчал, – она наслала на него порчу. Стоило ему отвернуться, как он услышал, что она тихо бормочет у него за спиной, будто с кем-то разговаривает. По спине у него пробежал холодок. Поначалу он подумал, что это ветер, но потом оглянулся и увидел, что она смотрит на него своими темными глазами и шевелит губами. Джон поспешил прочь, но не пробежал и тридцати ярдов, как услышал топот, а потом нечто похожее на черную собаку напало на него, искусало, и он упал на землю.

– Нечто похожее на черную собаку? – переспросил Ричард. – Раньше вы говорили, что это и была черная собака.

Роджер пропустил замечание мимо ушей.

– Он закрыл лицо руками и умолял о пощаде, а когда открыл глаза, собаки уже не было. Исчезла. И странная девушка вместе с ней. Кто-то нашел его на дороге и отвел в ближайший трактир, но несчастный едва шевелил руками-ногами. И говорить не мог. Один глаз заплыл, лицо перекошилось на сторону. Он остался в трактире, однако на следующий день бесстыжая девица появилась снова и стала вымаливать прощение. Утверждала, будто потеряла власть над своими способностями и волей-неволей действительно навела на него порчу.

– Неужели призналась в этом? – Я вспомнила вчерашнюю незнакомку. – Как она выглядела?

– Как ведьма. Тощая, неопрятная, черноволосая, лицо угрюмое. Моя мать говорит, людям с черными волосами нельзя доверять, поскольку у них и душа черная.

– У меня тоже черные волосы.

– Рассказать, что было дальше?

А моя маман в детстве угрожала зашить мне рот. У них с матерью Роджера нашлось бы много тем для разговора.

– Извините, – сказала я. – Тот человек поправился?

– Нет, и вряд ли уже встанет на ноги, – мрачно проговорил Роджер. – Это само по себе вызывает беспокойство, но меня больше волнует другое – собака. Пока она свободно разгуливает по Пендлу, опасность угрожает всем.

Ричард бросил на меня веселый скептический взгляд и прищипорил коня, догоняя охотников. Мысль о свирепом животном не испугала меня – в конце концов, со мной мастиф размером с мула. Но я не успела сообщить об этом Роджеру, поскольку он продолжил:

– Через несколько дней после случившегося Джон Лоу проснулся ночью в трактире от того, что над ним кто-то дышит. Над его кроватью возвышался огромный зверь величиной с волка, с оскаленными зубами и горящими глазами. Бедняга понял, что это злой дух, поскольку тот явно был выходцем из другого мира. Можете себе представить ужас человека, который не может ни пошевелиться, ни слова вымолвить, только стонать. И кто бы вы думали появился на месте зверя через мгновение? Сама ведьма.

Мне словно провели пером по коже.

– Значит, зверь превратился в женщину?

– Нет, Флитвуд. Вы что-нибудь знаете о фамильярах?

Я покачала головой.

– Тогда отсылаю вас к Книге Левит. Вкратце это дьявол в чужом обличье. Если хотите, инструмент для расширения его владений. Этой девушке он служит в образе собаки, но может принимать любую личину – животного, ребенка. Он является, чтобы выполнять ее повеления, и на прошлой неделе она приказала ему покалечить Джона Лоу. Фамильяр – самый верный знак ведьмы.

– И вы его видели?

– Конечно нет. Дьявольское порождение едва ли предстанет глазам богобоязненного человека. Только люди с нетвердой верой могут почувствовать их присутствие. Их привлекает безнравственность.

– Но Джон Лоу видел его, а вы сказали, он порядочный человек.

Роджер нетерпеливо отмахнулся.

– Мы потеряли из виду Ричарда; ему не понравится, что я точу ляды с его женой. Вот что бывает, когда женщины ездят на охоту.

Я промолчала о том, что вообще-то делаю ему одолжение – если Роджер жаждет что-то рассказать, ему нужен слушатель. Мы пустили лошадей галопом и, когда впереди показались охотники, снова замедлили шаг. Готорп остался далеко позади, и меня уже не прельщала мысль о том, чтобы провести ведь день в седле.

– А где теперь та девушка? – спросила я, когда мы снова отстали.

Роджер поудобнее перехватил поводья.

– Ее имя Элисон Девис. Она находится под стражей у меня в Рид-холле.

– В вашем доме? Почему вы не отправили ее в тюрьму в Ланкастере?

– Пока ведьма у меня, она не опасна. Там она ничего не может сделать – не посмеет. Кроме того, она помогает мне с другими расследованиями.

– Какими именно?

– Ну и ну, сколько вопросов, миссис Шаттлуорт. Может, заговорим добычу до смерти? Элисон Девис – потомственная ведьма; она сама мне это сказала. Ее мать, бабушка и даже брат занимаются магией и колдовством, они живут всего в нескольких милях отсюда. Они также обвиняют в убийстве при помощи ведьмовства своих соседей, один из которых живет на земле Шаттлуортов. Потому-то я и подумал, что вашему мужу надлежит знать об этом. Где он, кстати?

Роджер кивнул на широкое поле впереди. Эдмунд, Ричард и собаки снова скрылись из виду.

– Но откуда вы знаете, что она говорит правду? С чего бы ей предавать свою семью? Она же наверняка знает, что разоблачение ведьмы – верный смертный приговор.

– Понятия не имею, – просто ответил Роджер, хотя я уловила нечто странное в его интонации. При желании он мог быть волевым и агрессивным – я видела, как он ведет себя со своей

женой Кэтрин, женщиной терпеливой. – Но все убийства, которые, по словам Элисон, совершили ее родные, действительно произошли.

– Они убивали?

– Не раз. Я бы никому не пожелал встать на пути у Девисов. Не бойтесь, дитя мое. Под моей опекой Элисон Девис ничего не учинит, а завтра или послезавтра я собираюсь допросить ее семейство. Мне, конечно, надлежит довести сей случай до сведения короля. – Он вздохнул, словно это могло помешать делу. – Уверен, его величество весьма заинтересуется этим делом.

– А если они сбегут, как вы их найдете?

– Не сбегут. Вам же известно, что у меня есть соглядатаи по всему Пендлу. От шерифа графства не скроешься.

– Бывшего шерифа, – поддразнила его я. – А сколько ей лет? Девушке с собакой.

– Она не знает, но, я бы сказал, лет семнадцать.

– Как и мне. – Я на мгновение задумалась, потом снова спросила: – Роджер, вы доверяете Ричарду?

Он вскинул кустистые брови.

– Я бы доверил ему свою жизнь. Или то, что от нее осталось, – человек я уже пожилой, дети выросли, и лучшие годы службы, к моему величайшему сожалению, остались позади. Почему вы спрашиваете?

Под платьем для верховой езды, глубоко в кармане, лежало письмо лекаря и билось о ребра, словно второе сердце.

– Просто так.

Глава 3

Великий пост еще не закончился, и, хотя аппетита у меня не было, я тосковала по кусочку тушеной говядины или ломтику нежной соленой курицы. Роджер остался на ужин и довольно потер руки, когда слуги внесли серебряные блюда со щукой и осетром. Я знала, что не притронусь к рыбе, хотя была голодна после охоты – вернулись мы с пустыми руками, когда на лес опустился промозглый туман. Сейчас он теснился к окнам, и в столовой было холодно. Я крошила свой хлеб и потягивала вино, размышляя, скоро ли наступит время, когда снова смогу есть все, что лежит на тарелке. Я не рассказывала о своем положении никому из слуг, включая Сару, которая помогала мне одеваться, но повариха всегда узнает о таких вещах первой. Другие слуги наверняка видели, что я отдаю Паку кусочки со своей тарелки, но это началось, еще когда он был щенком. Мой пес все толстел, тогда как я, казалось, сохла. Ричард как-то заметил, что мастиф питается лучше большинства жителей Ланкашира.

Более не в силах выносить вид рыбьих голов, я ушла в свою комнату, чтобы прилечь. Там, на верхнем этаже дома, вдали от звона соусников и ножей, было тихо, и в очаге горел огонь. Обычно я задерживала портьеры, чтобы ослабить головную боль, но в тот день совершенно выбилась из сил, к тому же меня снова одолевала тошнота, а потому просто сбросила туфли и легла, положив руки на живот и глядя в окно. Нужно было обдумать многое из услышанного утром, но некстати снова вспомнилось письмо лекаря и затуманило сознание. Полагаю, что в конечном счете вопрос сводился к тому, кто выживет – я, ребенок, оба или ни один из нас. Если верить доктору – а почему нет? – плод разбухал, как каштан в шипастой зеленой оболочке, грозя рано или поздно разорвать меня. Ричард больше всего на свете хотел наследника, и, пусть во время предыдущих беременностей я сплеховала, возможно, на сей раз... Но ценой своей жизни? После зачатия женщина носит в утробе жизнь и смерть, это факт нашего существования. Остается лишь надеяться и молиться, но с тем же успехом можно желать, чтобы трава сделалась голубой.

– Останешься там и убьешь меня? – спросила я, глядя на свой живот. – Или позволишь мне жить? А может, попробуем жить вместе?

Я, верно, заснула, потому что, открыв глаза, увидела возле кровати кувшин с молоком. Окунула в него мизинец и облизала. Маман говорила, будто у самых красивых девушек кожа точно парное молоко, гладкая и сливочного цвета. Рядом с ним моя выглядела как старый пергамент. Мне вспомнилось, какую суматоху навела маман, когда Ричард со своим дядей Лоуренсом впервые приехали в Бартон, – ни на мгновение не присела, порхала вокруг меня, словно мотылек.

– Покажи ему руки, – сказала она. – Сложи их на коленях.

Лишним было напоминать, что лицо – не главное из моих достоинств, это я уже знала. Однако все это не имело значения, поскольку нам обоим было известно, что главное мое преимущество – имя и деньги, которые к нему прилагаются. Маман всегда повторяла, что отец был прижимистым, но, когда я спрашивала, почему мы живем в продуваемом сквозняками доме и вынуждены делить одну спальню, поджимала губы и отвечала, что старый дом лучше нового.

Вечером после приезда Ричарда, когда мы с маман ложились спать, она спросила меня, понравился ли он мне.

– Разве это важно? – раздраженно ответила я.

– Это очень важно для твоего счастья. Ты будешь с ним каждый день до конца жизни.

Я думала только о том, что Ричард спасет меня от этого жалкого существования. Поэтому он нравился мне сильнее некуда.

Память рисовала его приятное гладкое лицо и светло-серые глаза. Изящные драгоценности в ушах и кольца на пальцах, одно из которых достанется мне, когда он поведет меня в новую жизнь.

– Вы любите театр? – спросил он меня в гостиной у матери.

Его дядя и моя маман разговаривали у окна, поглядывая на нас. Я знала, что маман уже подготовила для брака почву, но, не согласись Ричард, все пошло бы прахом.

– Да, – солгала я, хотя никогда там не бывала.

– Превосходно. Будем каждый год ездить в Лондон. Даже дважды, если захотите. Там лучшие театры.

Как могла я не очароваться и не восхититься этим молодым человеком, который, в отличие от всех остальных, не обращался со мной как с ребенком? Я представляла его лицо каждый час, наяву и во сне. В приходской церкви назначили день свадьбы, и я с нетерпением ждала вечером утра, а утром – вечера, ведь каждый день приближал меня к радостному событию. Не будучи красавицей, я воображала, что стану госпожой доброй и мудрой. А однажды и матерью, обожаемой детьми и мужем. Я дам Ричарду все, чего он только пожелает. Его благополучие станет моей заботой, его счастье – моей обязанностью. Ибо он наградил меня величайшим подарком – взял в жены, и до конца дней я буду благодарна ему за это. Я услышала, как маман заворочалась в постели.

– Флитвуд, – сказала она. – Ты слушаешь меня? Я спросила, нравится ли тебе Ричард.

– Полагаю, он сгодится, – ответила я и с улыбкой задула свечу.

* * *

Я неуклюже встала на затекшие ноги и направилась прогуляться в длинную галерею в передней части дома. К моему удивлению, там расхаживал Роджер – сцепив руки за спиной, он изучал королевский герб над камином.

– «Страшись Бога, чти короля своего, уклонись от зла и сотвори благо. Взыщи мира и держись его», – процитировала я девиз с мантии по памяти.

– Очень хорошо, Флитвуд. Считайте это обещанием от своего мирового судьи.

– Дядя Ричарда Лоуренс повелел прибить сюда герб. Думаю, он надеялся, что король Яков услышит об этом и не сочтет нужным наносить визит.

– Шаттлуорты, конечно, верны короне. – В голосе Роджера слышался оттенок предостережения.

– Преданны, как собаки.

Роджер задумчиво проговорил:

– И все же в этих краях требуются дополнительные подтверждения преданности. Но как их продемонстрировать?

– Полагаю, здесь недостает не столько преданности, сколько доверия. Кроме того, король наверняка избегает этих мест из-за здешних старых верований.

– Этот уголок королевства доставляет его величеству много беспокойства. Ради почитания короля своего и уклонения от зла можно сделать намного больше. – Он подался вперед и нахмурился. – Я не заметил слов вокруг королевского герба. Что там говорится?

– *Honi soit qui mal y pense*. «Да устыдится тот, кто подумает об этом дурно».

Роджер нахмурился, как будто размышлял над этими словами.

– И верно. Только Лоуренс уже никогда не объяснит, о чем это не следует думать дурно. Возможно, я спрошу об этом самого короля.

– Вы скоро будете при дворе?

Роджер кивнул.

– Его величество потребовал от судей Ланкашира представить списки всех, кто не причащается в церкви.

– С какой же целью?

– Ах, Флитвуд, вам не стоит беспокоиться о придворных делах, вряд ли они имеют отношение к жизни юной дамы. Исполните свой долг и подарите своему мужу много маленьких Шаттлуортов, а я стану исполнять свой и поддерживать безопасность в Пендле. – Надо полагать, я надулась, потому что он взглянул на меня более благожелательно и принял добродушный вид. – Ну, если вам так уж любопытно, то его величество еще очень... встревожен после событий в Парламенте семь лет назад². И вы могли слышать молву о том, что некоторые предатели сбежали в Ланкашир. Нужно продемонстрировать верность короне, поскольку нынче король очень недоверчив по отношению к нашему маленькому северному графству и попирающим закон людям, угнездившимся здесь. Он полагает нас дикими зверями в сравнении с любезными лордами и дамами юга. Мы тут отстоим очень далеко от светского общества, и, думаю, он нас побаивается. Но знаете, кого еще он опасается?

Я отрицательно покачала головой.

– Ведьм.

В его глазах мелькнуло торжество, и я не сразу поняла, о чем идет речь.

– Вы имеете в виду Элисон Девис?

Роджер кивнул.

– Если я смогу убедить короля, будто жителям Ланкашира угрожает то, что он сам больше всего ненавидит, возможно, он преисполнится сочувствия и станет менее подозрительным. А если во мне увидят человека, который, так сказать, вытраивает дурные семена, то графство сможет расти и процветать, и мы воссоединимся с королевством уже с другой репутацией.

– Но католики и ведьмы – не одно и то же. Первых здесь множество, а вторых лишь горстка.

– Больше, чем вы думаете, – просто ответил Роджер. – И кроме того, король не делает между ними различия.

– Ну, вряд ли королю стоит опасаться, что мы прячем порох. У нас слишком сыро.

Роджер рассмеялся моей шутке, и я подумала, не поведать ли ему о письме, спрятанном глубоко в карман. Может, он уже знает о нем?

– А где Ричард? – спросила я вместо этого.

– Обсуждает дела с управляющим, а потом обещал показать мне своего нового сокола и составить мне компанию на обратной дороге в Рид. Вы не присоединитесь к нам?

– Он проводит с этой птицей больше времени, чем со мной. Нет, благодарю вас. Но скажите ему, чтобы он попросил портного навестить меня. Мне нужны новые платья.

Роджер усмехнулся.

– Вы совсем как моя Кэтрин. И все же ни одна из вас не равня Ричарду. У него самая большая коллекция одежды в графстве, сравнимая с королевским гардеробом. – Мы прошли мимо входа в мои покои и остановились у лестницы. – Приезжайте навестить Кэтрин. Она часто спрашивает о вас и ваших новых нарядах. Ей очень любопытно посмотреть, что носит молодежь.

Я с улыбкой поклонилась, и он направился вниз по витой лестнице внутри башенки. Внезапно у меня болезненно сжалось сердце, и мне отчаянно захотелось, чтобы он обнял меня, как отец, и я окликнула его. Роджер определенно пах как отец, по крайней мере в моем воображении, – древесным дымом, конским волосом и табаком. Он остановился под нашим с маман портретом. Я не стала вешать его ни в длинной галерее, ни где-либо еще, на лестнице же никто не задерживался – гости проходили мимо портрета и, дойдя до следующего этажа, обычно

² Имеется в виду попытка покушения на Якова I в 1605 году, известная как Пороховой заговор.

успевали забыть о нем. На картине, почти в рост со мной, доминировала маман в платье с красной вышивкой и широким воротником. Я, еще маленькая девочка, занимала нижний левый угол, и локоть маман был направлен на меня, словно она желала вытолкнуть дочь из рамы. На руке у меня сидел маленький черный стриженый, обретший бессмертие в живописи питомец, которого я держала в клетке в своей комнате. Я до сих пор помнила неприятную тишину, стоявшую в большом зале Бартона, когда мы позировали остролицему художнику с разноцветными красочными пятнами на пальцах и черным кончиком языка, который быстро, как у змеи, высовывался изо рта.

– Роджер... – Голос замер у меня в горле. – Вы думаете, Джон Лоу выживет?

– Не беспокойтесь, – ответил Роджер. – Сын ухаживает за ним.

Я вернулась в свою комнату, размышляя, как Роджеру спится под одной крышей с ведьмой, и в итоге заключила, что прекрасно.

* * *

Я спрятала горшок под кровать и прикрыла его тряпкой, но Ричард все равно отшатнулся, войдя в нашу спальню. Я лежала в ночной сорочке, слабая и опустошенная, а единственный крошечный кусочек шуки, проглоченный за ужином, прилип ко дну сосуда. Ричард вздохнул, подошел и опустился передо мной на колени.

– Тебе не лучше? Ты почти не ела. Я так хочу, чтобы ты была здорова.

Я натянула ночную сорочку на невысокий холмик живота. Ричард пристально посмотрел на него и осторожно положил сверху руку. Я покрутила у него на пальце золотое кольцо, подаренное ему отцом, которое муж никогда не снимал. Неизвестно, что хуже – эта слабость или подозрение, что супруг скрывает от меня страшную правду. В какой-то миг, когда вечером я сидела в своей комнате одна, в обществе весело потрескивающих свечей, меня осенило: конечно, Ричард ценит жизнь ребенка больше, чем мою. Разве не так же рассуждал бы любой мужчина, желающий передать состояние потомству?

– Ричард, – сказала я. – Что будет, если я не смогу родить тебе наследника?

Я подумала о женах королей прежних времен, сложивших головы на плахе. Как достойнее умереть: корчась в муках на пропитанной кровью постели или с гордо поднятой головой, в своем лучшем платье? Разводов не случалось уже десятки лет, но само слово ужасало так же, как смерть.

– Не говори так. На этот раз несчастье нас минует, Бог милостив. Мы найдем лучшую повитуху.

– У нас была повитуха в прошлый раз, а ребенок все равно родился мертвым.

Ричард встал, чтобы раздеться, свет свечи блеснул на его пуговицах и заиграл на голой коже. Он надел ночную сорочку, подошел ко мне и взял мою холодную руку, серую по сравнению с его розовой. Хотя голос у него был спокойный, лицо выражало тревогу.

– Пока ты хворает, я буду спать в будуаре.

Сердце екнуло.

– Нет! Ричард, пожалуйста, я не хочу слышать об этом. Меня больше не будет тошнить. Я прикажу горничной унести горшок.

Я попыталась вылезти из кровати, но Ричард остановил меня.

– Я буду совсем рядом, в соседней комнате, пока тебе не полегчает, а это случится очень скоро...

– Ричард, не надо. Пожалуйста. Я не люблю спать одна, ты же знаешь – у меня Кошмар.

Когда я просыпалась, насквозь мокрая от пота и слепая от ужаса, он обнимал меня, пока я не переставала дрожать. Такое бывало всего несколько раз в год, но он знал, что я умру от страха, если его не окажется рядом.

– Пожалуйста, не уходи. Прошу тебя, останься со мной. Я боюсь.

Но он поцеловал меня в лоб и с мученическим видом удалился, держа в вытянутых руках перепачканный горшок. Я сползла по изголовью кровати, чувствуя, как накатывают слезы. В первые месяцы нашего брака он бы никогда так не поступил. После свадьбы в доме на Стрэнде я не могла спать из-за кутерьмы за окном. Лондон был мне внове, так же как и все в нем – я никогда не видела столько карет в одном месте, не слышала криков лодочников, причаливающих к берегу, столько громких колоколов и такого столпотворения. По вечерам Ричард сидел со мной, читал, или рисовал, или просто тихонько лежал рядом, глядя по волосам. Когда похолодало и мы переехали из города в раскинувшиеся под широкими небесами поля Ислингтона, я призналась ему, что привыкла к шуму Стрэнда и теперь не могу спать в тишине. Он засмеялся, сказал, что я избаловалась и что ему остается только создавать для меня шум. Ночь за ночью, пока я засыпала, он ржал лошадью в темноте, или кричал, подобно точильщикам ножей, или жонглировал, как продавцы угля, притворяясь, будто обжигает руки. Я в жизни столько не смеялась. Однажды, когда за окном шел снег и огонь в очаге почти потух, я захотела посмотреть, что он рисует в моем альбоме. Он попросил подождать, пока он закончит. Я наблюдала, как он работает, лицо напряжено от сосредоточенности, руки делают быстрые короткие движения, тихо шурша по листу. Когда он развернул ко мне бумагу, я увидела себя: в красивой широкополой шляпе, изящной фрезе и элегантных испанских туфельках. На плечи был накинута застегнутый на парижские пуговицы плащ, который словно струился за границы листа. Я почти на ощупь чувствовала, какой он плотный.

– Какого это цвета? – прошептала я, водя кончиками пальцев по линиям.

– Плащ из вышитого атласа и оранжевой шерсти, – гордо ответил он. – Завтра же закажу. Ты поедешь в нем домой. В Готорп.

Никто ничего подобного никогда для меня не делал. Когда закончилась зима, мы прибыли в только что отстроенный дом. Дорога заняла девять дней, и на протяжении всего пути я могла думать лишь о том, что прибуду в Ланкашир в качестве миссис Шаттлуорт, одетая в такой наряд, каких в тех краях не видывали. Ричард выглядел не менее изысканно в костюме, эскизы для которого сделал сам, с кинжалом и мечом на поясе. Когда мы подъезжали ближе к нашему новому дому, деревенские жители, улыбаясь и маша нам, выстроились вдоль дороги. Но со временем подробности изгладились из памяти, и все, что я помнила, были двое детей, одетых для уличного представления.

Я задула свечу и прислушалась к звукам из соседней комнаты. Впервые за время нашего брака, хотя мы оба ночевали в доме, я спала одна.

* * *

Утром Ричард не зашел ко мне и спустился к завтраку, не разбудив меня. Он читал письма, а я сидела напротив, пытаюсь впихнуть в себя хлеб с медом и удержать пищу внутри. Я наблюдала за его лицом, которое морщилось или светлело в зависимости от того, что он читал, и не спрашивала, кто пишет. Пока слуги сновали в столовую и обратно, я размышляла, кто из них знает, что в будуаре рядом с моей спальней разложена складная кровать, застеленная свежим бельем. Словно в ответ на мои догадки, одна из девушек с кухни встретилась со мной взглядом и торопливо отвела глаза, а кончики ушей у нее покраснели. Меня прошиб озноб, и, не в силах больше ни есть, ни промолвить хоть слово, я малодушно встала и направилась в длинную галерею, где принялась прогуливаться взад-вперед и молиться, надеясь получить знак от Бога. Я смотрела на деревья и на небо, изнывая от желания унести вдаль, освободиться от гнета мыслей.

Уже днем я нашла Ричарда в большом зале вместе с управляющим Стюартом: между ними лежала конторская книга Готорпа. В нашем доме она была не менее важна, чем Биб-

лия короля Якова: все, что мы покупали, все счета, которые оплачивали, все, что прибывало в Готорп или увозилось из него, будь то на колесах, лошадях или в бочках – все записывалось на ее плотных страницах безукоризненным почерком Джеймса. Рыцарские доспехи, шпалеры и другие безделки, на которые Ричарду нравилось тратить деньги, поверялись бумаге, так же как предметы повседневного быта: чулки для слуг, пробки для винных бутылок. Но, подобно мне, Ричард мало интересовался этим, предпочитая поручать учет прислуге, поэтому, найдя его за этим занятием, я поняла, что он раздражен: разговоры о налоге на землю и доходах с деревень наводили на него скуку. Словно напоминая о необходимости относиться к делам имени всерьез, со стены на него смотрел суровый портрет его дяди, преподобного Лоуренса, на чьем плече красовались слова: «Смерть есть стезя к жизни».

Я перевела дух.

– Ричард!

Он быстро поднял голову, обрадованный возможностью отвлечься. Потом я сделала сразу два наблюдения: во-первых, Джеймс мгновенно перевернул страницу, так что открылась пустая, хотя они дошли еще только до половины предыдущей, во-вторых, Ричард был в дорожной одежде.

– Ты уезжаешь?

– В Ланкастер. Вечером.

– Вот как? Утром от кого-то пришло письмо?

– Только от моих сестер с новостями из Лондона. Они всегда пишут каждая отдельно, но это все равно что одно письмо – рассказывают об одних и тех же людях, пьесах и жертвах последнего скандала. По крайней мере, в столице им веселее, чем в Форсетте с матерью; полагаю, им никогда не придет охота вернуться в Йоркшир. Тебе что-нибудь нужно?

Да, мне нужен ты.

В комнате воцарилась звенящая тишина. Перо Джеймса дрожало, его пропитанный чернилами кончик так и просился царапать бумагу.

Я хотела сказать: «Не уезжай», но вместо этого произнесла:

– Как поживают твои сестры?

– Элеонора намекает на какое-то очень радостное событие, но Анна об этом не упоминает.

– Вероятно, она помолвлена.

– Деликатность Элеоноре не свойственна.

– Тогда, может быть, она только надеется на помолвку.

Джеймс многозначительно кашлянул.

– Я еду в Падихем к миссис Кендалл за полотном. Тебе что-нибудь нужно?

– Почему бы тебе не отправить кого-нибудь из слуг?

– Они выберут не то, что надо. Ты хорошо себя чувствуешь?

Серые глаза Лоуренса уставились на меня из рамы. «Смерть есть стезя к жизни».

– Да.

Я не хотела, чтобы он уезжал; вечно он уезжал, а я оставалась.

– Когда ты вернешься?

– Через несколько дней. Мне заехать в Бартон по пути?

– Зачем? Маман там больше не живет; ничего, кроме пустых комнат и мышей, там не осталось.

– Время от времени нужно заглядывать туда, чтобы убедиться, что все в порядке.

Джеймс засопел и заерзал на стуле. Я отбирала драгоценное внимание хозяина. Потом Ричард, видимо, хорошенько разглядел меня, ибо подошел ко мне и поднял пальцем подбородок.

– А что, если нам прокатиться в Лондон в ближайшее время? Элеонора и Анна разбудили во мне тоску по нему. Найдем тебе лучших повитух, а еще я отведу тебя в театр – Бог свидетель, мы в этих краях истосковались по развлечениям. Этому мрачному замку недостает радости. Джеймс, выясните, нет ли сейчас в окрестностях странствующих комедиантов, которые могли бы приехать и дать здесь представление. Или пошлите за какой-нибудь труппой. – Он обнял меня за талию и взял мою руку, словно мы собирались танцевать.

Пак, сопя от любопытства, подковылял к нам.

– А иначе придется сделать из Пака циркового медведя. Смотри! – Ричард отпустил меня и поднял пса за передние лапы, положив их себе на плечи, так что громадная голова Пака оказалась на одном уровне с головой Ричарда. Я невольно улыбнулась, когда они задвигались в неуклюжем танце: язык у Пака был высунут, задние лапы нетвердо переступали по каменным плитам, пока он, как мешок, не грохнулся на пол, после чего немедленно подошел ко мне, чтобы я погладила его в качестве вознаграждения.

– Никчемное существо. Придется поработать над нашим представлением, – улыбнулся Ричард.

Он оставил меня с Джеймсом, а Джеймса с незаконченными делами. Я знала, что не одну меня в доме время от времени обезоруживали переменчивые настроения моего мужа. Я смотрела ему вслед, чувствуя легкий, как перышко, поцелуй на щеке и тяжесть, подобную мокрому плащу, на плечах.

Глава 4

Я слышала о ведуньях, знахарках, умеющих приготовить такое снадобье, от которого начнутся крови и живот снова станет плоским. Раз есть травы и эликсиры, изгоняющие плод, разве нет других, способных удержать его внутри, сохранить ему жизнь? То малое, что я знала, складывалось из ненароком подслушанных обрывков разговоров, когда слуги не подозревали, что я сижу в соседней комнате, или из случайно оброненных фраз с поджатыми губами за обеденным столом в чьем-либо доме, прежде чем беседа быстро переходила на более утонченные темы. Если бы только у меня была подруга, с которой я могла бы посоветоваться; вряд ли стоило заговаривать об этом с аптекарем.

Поездка из Готорпа в Падихем была приятной: дорога шла через просторную рощу, пока не открывалось поле, выводившее к тракту. Было ясно и холодно, и я была рада, что надела толстый шерстяной плащ. Привязав лошадь возле суконной лавки, я погладила ее угольно-черную гриву и направилась к входу.

– Доброе утро, мадам, – произносили один за другим проходящие мимо деревенские жители с невзрачными лицами.

Отвечая на приветствия, я видела, как жадно они изучают меня всю, от шляпы до перчаток. Не привлечь внимания было невозможно.

Я постояла у двери аптеки, воображая, как вхожу в темную узкую лавочку с ее резкими запахами, множеством миниатюрных бутылочек и ковром покрывающими стены травами. Возможно, какие-то снадобья могут остановить приближающуюся дурноту, помешать ребенку покинуть чрево раньше времени. Даже предотвратить мою смерть. Но объясняться пришлось бы на другом языке, которого я не знала.

В лавке миссис Кендалл, у которой я заказывала полотно, мне показалось, что ее блестящие глазки скользнули по моему животу. Невозможно сказать, подозревали деревенские жители о моем положении или просто любовались пуговицами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.